

Всероссийский музей А.С.Пушкина [электронный ресурс] / МКРФ ФБГУК «Всероссийский музей А.С.Пушкина»; директор: Некрасов Сергей Михайлович // <http://www.museumpushkin.ru/info/estate-museum-derzhavin.html>. Режим доступа - свободный. Дата обращения: 2.11.2014 г.

Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / П.А.Вяземский / Сост., подг. текста, вст. ст. и комм. Л. В. Дерюгиной. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.

Вяземский П.А. Собрание сочинений в 2 т. / П.А.Вяземский / Вст. ст. и комм. М. И. Гиллельсон. – Т.1. – Л.: Наука, 1982. – 391 с.

Вяземский П.А. Собрания сочинений в 12 т. / П.А.Вяземский. – СПб.: Типография М.М.Стасюлевича, 1878. Т.1, 3. – 355 с.

От биографии к «исторической были»: Державин в исторической прозе Д. Л. Мордовцева

А.Ю.Сорочан

Тверской государственный университет
(Тверь)

Ключевые слова: биография, историческая проза, Д. Л. Мордовцев, репрезентация

Сочинения популярного в конце XIX – начале XX вв. исторического романиста Д. Л. Мордовцева подчеркнуто литературны. Для характеристики осмысления документального материала в этих произведениях был даже предложен термин «квазиисторический роман» [Сорочан 2007]. Однако особый интерес приобретает трансформация исторических событий на основе литературных аллюзий в тех случаях, когда одним из главных действующих лиц становится литератор. В этих случаях отсылки к художественному творчеству героя мотивируют развитие сюжета беллетристического произведения.

Это ярко проявилось в произведениях Д. Л. Мордовцева, посвященных жизни Г.Р. Державина. Естественно, популярные рассказы и повести основаны в первую очередь на тексте «Записок» Г. Р. Державина, изданных П. И. Бартеневым (соответствующие ссылки присутствуют и в текстах сочинений Мордовцева). Но трансформации первоисточника как минимум любопытны с точки зрения репрезентации литературной биографии в популярном тексте. Так, рассказ (по объему, скорее повесть) «Поиграли с огнем» имеет подзаголовок «Историческая быль из жизни Державина». Период активной служебной деятельности поэта-царедворца и его столкновения с

Т.И. Тутолминым (генерал-губернатором Олонецкой и Архангельской губерний в 1784 – 1789 гг.) – только повод к изображению нескольких анекдотических сцен. Основной сюжет связан с таким анекдотом: чиновники приводят медведя в присутственное место и платятся за это. «В то время чиновникам шутить не полагалось. Тузы могли шутить...» [Мордовцев 1914, 12: 123]. Объектом такой шутки становится сам Г. Р. Державин, посланный «открывать» город в незаселенную местность. Эти события подробно изложены и в «Записках» поэта, и в публикациях «Русского Архива»; отсюда Мордовцев и черпает материал. Однако поэт, разумеется, куда интереснее чиновника. Здесь у беллетриста есть возможность реализовать потенциал литературных текстов протагониста.

Державин чаще всего у Мордовцева именуется «певцом Фелицы» — это перифрастическое описание дается в полном соответствии с традицией, которая подкрепляется цитатами из текстов, посвященных тем или иным героям-придворным. Но когда поэт покидает город и оказывается лицом к лицу со стихией, застигнутый бурей на море – он тут же превращается в «певца Бога», забывшего обо всех Фелицах в мире» [Мордовцев 1914, 12: 95]. Все путешествие поэта сопровождается цитатами из оды «Бог», как бы подтверждающими истинность переживаний. Другие поэтические аллюзии возникают тотчас же. После бури Державин вынужден ночевать – на стог сена: «...на западной окраине неба ровным слабым светом мигали звезды, точно чьи-то далекие глаза» [Мордовцев 1914, 12: 107]. И проекция образов новейшей поэзии (в данном случае – А. А. Фета) на сотню лет в прошлое уже не кажется беллетристу чем-то неуместным. Ведь неприглядный внешне поэт и не слишком умелый администратор оказывается куда выше «тузов», разыгрывающих жестокие шутки, лишь иногда завершающиеся благополучно.

Имперский дискурс значим для «Записок» Державина. В рассказах, связанных с его именем, он реконструируется посредством иной линии литературных аллюзий. С предшествующей, державинской линией ее объединяет Фелица. Но к державинскому именованию Екатерины добавляется другое, уже не литературное, а историческое. Вольтеровское обращение к Екатерине «Семирамида Севера» повторяется в рассказах «Любовь спасла» и «Он идет!». Удельный вес исторических аналогий возрастает в пространстве империи. И Тутолмин из «медведя» превращается в «Александра Македонского в куриной клетке» [Мордовцев 1914, 12: 109]. Особое место занимают литературные сочинения самой Екатерины, служащие и предметом бесед, и неизменными аксессуарами при развитии сюжета. Вряд ли эти аксессуары необходимы с точки зрения сюжета или исторической достоверности (скажем, диалоги с камердинером Захаром о литературе), но для Мордовцева они составляют важную часть повествования, поскольку представляют императрицу как участницу литературного процесса и – еще важнее – как человека, видящего мир сквозь призму прочитанных и написанных книг.

Скажем, история о спасении юноши от рекрутской повинности в рассказе «Он идет!» только для Екатерины и де Линя представляется частичным повторением античной трагедии. Только они двое именуют персонажей Орестом и Ифигенией, а Мордовцев присоединяется к этим героям, опять-таки вынося в название главы явную отсылку к классике – «У Ифигении в Тавриде». А на столе у Екатерины находятся ее собственные художественные произведения – ода «Весталке», комедия «Обманщик» и «Феодул с детьми». Упоминания об этих текстах заставляют читателей вспомнить об их создательнице и погрузиться таким образом в эпицентр эпохи. И происходит это всегда с помощью Книги.

В произведениях, персонажем которых становится А. С. Пушкин, также «присутствуют» предшественники; это важно с точки зрения исторической реконструкции литературного процесса. Все эпизоды с участием классика связаны с цитатами из литературных текстов. На склоне Машука он появляется так: «Внизу на том месте, где ныне беседка, называвшаяся прежде “Эоловой арфой”, сидел на камне какой-то мужчина в красной рубаше и поярковой шляпе и что-то писал у себя на коленях» [Мордовцев 1996, 13: 117]. «Молодой человек лет двадцати», разумеется, оказывается Пушкиным, который тут же читает Раевскому свой эпилог к “Руслану и Людмиле” (“Ищу напрасно впечатлений...”) и сетует на отсутствие былых восторгов и вдохновений. А потом вспоминает о счастливых днях “Воспоминаний в Царском Селе”: “Державин был уж очень стар. Он был в мундире и плисовых сапогах”» [Мордовцев 1996, 13: 118]. Мордовцев почти дословно воспроизводит текст биографической заметки А. С. Пушкина «Державин». И дальше число совпадений множится — Пушкин говорит своими фразами, но фразами написанными. Концентрация литературных образов вокруг Пушкина необычайно велика.

С точки зрения использования державинских текстов для осмысления XVIII столетия исключительно характерна повесть Мордовцева «Авантюристы». Ее композиция в высшей степени типична для исторических повестей того времени: динамичная завязка, затем описание предыстории героев, далее – чередование документальных и событийных глав; эпилог представляет собой яркую экзотическую картину: смерть Зановича и фон Вольфа. Но о судьбе авантюриста постоянно докладывают Екатерине; так что история фон Вольфа прерывается обширными цитатами из «Дневника» Храповицкого; в «екатерининских» главах действуют хорошо знакомые читателям Мордовцева персонажи: «Лёвушка» Нарышкин, камердинер Захар. И в них постоянно фигурирует Державин – основной литературный «голос эпохи». Мы можем заметить, как чередуются отсылки к античной литературе (к любимой автором «Ифигении», к «Одиссее») с цитатами из русской классики. За главами, где Екатерина обсуждает судьбу Державина – поэта и чиновника, цитируя «Благодарность Фелице» и «Послание Решемыслу», следуют главы о фон Вольфе, действие которых разворачи-

вается «на месте, где были развалины храма, в котором жрицей была Ифигения» [Мордовцев 1996, 6: 469, 477]. Далее действие переносится в московскую тюрьму, где Вульф перед допросом читает произведения Державина: «Песенку» («Цари! Вы светом обладайте...») и оду «Мещерскому». Это чередование нарушается лишь в главах, имеющих косвенное отношение к Вольфу, посвященных судьбе его любовницы и «ходатая по делам» Красовского. В финальной главе предсказуемо появляется рассуждение о «Путешествии из Петербурга в Москву»: императрица рассуждает о своей несправедливости к Радищеву и к героине повести: «Да, тяжело одному быть судьей миллионов» [Мордовцев 1996, 6: 542]. Этой фразы в записках Храповицкого, естественно, нет: Мордовцеву важно свести воедино «литературную» и «авантюрную» линии повести. Искатели приключений лишь случайно упоминаются в исторических «анекдотах», их роль, как правило, неблагоприятна и ничуть не замечательна. Увлекаемость их судеб ограничивается внешней сменой картин. Фортуна переменчива и, как правило, неблагоприятна к людям, подобным фон Вольфу. Сочинения классиков – в первую очередь Державина – куда важнее для истории России, чем те «метеоры», единственным «произведением» которых оказывается причудливая история жизни. Таким образом, все три группы «державинских» текстов (произведения, связанные с биографией, творчеством и характеристикой эпохи) подтверждают вывод об использовании классических произведений для создания беллетристических жанровых формул; биография писателя реконструируется на основании им написанного и превращается в условную «историческую быль».

Литература

Мордовцев Д. Л. Полное собрание исторических романов, повестей и рассказов: в 36 т. / Д.Л.Мордовцев. – Пг.: П. Сойкин, <1914>.

Мордовцев Д. Л. Собрание сочинений: в 14 т. / Д.Л.Мордовцев. – М.: Терра, 1996.

Сорочан А. Ю. Квазиисторический роман в русской литературе второй половины XIX века. Д. Л. Мордовцев / А.Ю.Сорочан. – Тверь: Изд-во М.Ю. Батасовой, 2007.

Специфика проявления новаторства Г.Р.Державина в русском стихосложении в творчестве современных авторов

В.П.Хамидуллина
(Набережные Челны)

Ключевые слова: поэтическое наследие, работа со звуком, эксперимент со словом, преемственность, русское стихосложение, Г.Р.Державин, современная поэзия

Поэтическое наследие Гавриила Романовича Державина на протяжении веков является объектом пристального исследования литературоведов. Оно поражает не